

Осмысленная тишина

*(образу «Иоанн Богослов в молчании», конец XVI века
Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан)*

Отклик образу, встреченному случайно... образу Иоанна Богослова. Удивительная икона и дивная – заочная - встреча с ней, - и сбудется ли встреча иная, на завершающейся теперь выставке свияжских икон в Третьяковке... или же, когда-то нежданно, - в месте нынешнего музейного обитания этой иконы... Сложно, не увидев образа во-очию, говорить о его атрибуции, несомненно хорошо известной специалистам. Не будучи таковым, едва ли дерзновенно по разуму высказываться, извергать некие мнения, суждения от самого отдалённого впечатления, опосредованного экраном монитора... Не сказать точно о натуральных размерах иконы, о нюансах исполнения, даже отдалённо – об авторстве и истории... - но всё это несколько отходит на вторые планы... не об этом желаем размыслить сей час... Образ при-зывает к себе, при-влекает, связывает с собою и не отпускает совершенно. Но, не прильнув непосредственно - к нему

взором, не припав устами... - будет ли как-либо полным наше почитание Первообраза в этом произведении, наше впечатление им... и сможем ли от этой неполноты про-изнести что-либо достойное этого замечательного произведения столь высокой художественности, творческого Богословского сознания... Нужно ли проговаривать что-либо перед этой иконой? – образ не побуждает нас к этому... Но что же тогда, так неотступно, - взывает нас к про-изнесению слов... это ли голос нашей любви «с первого взгляда», нашего неотступного желания – припасть к нему и со-беседовать с ближним, глядя на него. Господи, прости – мы не откажем себе в этой малости. Благослови, Господи. Отче Иоанне, не обессудь плодов такового неразумия и дерзновения не по разуму!..

Из описания, самого поверхностного, узнаём об атрибуции образа временем создания – концом XVI века... - это пик, расцвет образоведения на Святой Руси – на самой грани дальнейшего общего продвижения иконописи... к исчерпанию полноты, иссяканию, исхождению из глубин к поверхности... к обезсиленному противостоянию иконы с европейским печатным станком, с модою века грядущего ко благоукрашательству и затейливому без-образию века 17-го, всё более уклоняющегося в области барочных чужбин, зачастую лишённых ни то чтобы традиции почитания иконы, но даже и почтения к ней. «Благое молчание Богослова», осознанное и от-ображённое - на самом пике художественного Боговедения, - вот, что интересно здесь, вот от чего - перехватывает дух, при одном лишь взгляде на этакую из-образительную высоту Богопознания и художественного повествования поэтическим песенно - молитвенным живописанием – тишины, уведавшей о себе и о Господе – вокруг, в окружающих, сопутствующих нам и вне-временных событиях, о путях Господних, рас-пространяющихся в нас... Перед нами – достаточно крупная, более метра высотой, икона с узким, внятно выраженным «полем», отвесным «повалом» в «ковчег». Храмовый образ, столь устремлённый к самым глубинам человеческого естества и разума. Образ раскрыт в достаточно скудной цветовой гамме. Много-значительный символ Апокалипсиса, - человеческого пророческого ведения о исполнении времён, о кончине сотворённого мира и исходе всего... Ведение, не изречённое, но усвоенное сполна человеком – евангелистом Иоанном и, неизвестным, быть может, живописателем – изографом. Апокалипсис, более того, ведение о нём, вмещающее, открывающееся святому Иоанну Богослову, не Богословствующему прежде срока. Апокалипсис, образно являемый нам в молчании о нём - столь сдержанно и столь, вместе с тем, показательно, столь таинственно и образно - красноречиво – без-словесно... на тонком и проникновенном языке символики жеста, цвета, композиции... и прочих способов про-явления, про-изнесения образных смыслов. Удивительный, не отступающий от нас - образ. Таинственная вязь смысловых линий, композиционных черт, цвета, света. Сумеет ли хоть бы отчасти распознать символические бездны, устроенные здесь к нашему усвоению... к нашему приниканию... к во-ображению, к во-влечению нас. Распознать – и выявить, вынести от распознанной глубины для себя самих – личное понимание этого дивного из-ображения.

В этом образе – не привычное изображение Богослова на острове Патмос, где иконный сюжет традиционно расширен до трёх фигур: Иоанна, Прохора и Христа, вокруг которых, как правило для более поздних икон, - изображаются множественные детали: фоны, горки, лещатки, пещера, духовное небо, ангел.. иногда вместо фигуры Христа - десница Божия в мандорле устремлённая к Иоанну... Восприимлющий, провозглашающий Пророк и записывающий юноша Прохор... Многообразны варианты укрупнённой части этого изображения – Молчание Богослова Иоанна. Несть числа

изводам – вариантам трактовки подобного изображения: о-плечным, поясным, развёрнутым как вправо, так и влево от нас, с образом ангела, либо символом – образом Софии за плечом Богослова... различны понимания этого молчания, различны и варианты образной символической и художественно-Богословской трактовки. В нашей иконе слишком заметны отличия от привычного компонования изображения: «поясного» - по пояс или «оплечного», - отличия настолько многочисленны, что в пору говорить о самобытности этого образа. Рассмотрим – этот извод, столь внятно тронувший струны нашей души, - случайно ли так – отозвалась ему наша сердечная кифара?

Фигура апостола представлена почти в рост, сидящей, при этом нижняя иконная область внятно удаляется на несколько вторичный план, составляя более - цветовые фоны, на которых внятно про-являются основные значимые символы изображения, чрезвычайно сконцентрированные в верхней – личной части образа. Левое предплечье апостола приподнято так, что образует с линией плеч как бы горизонтальную планку креста. Вертикальная крестная статья – сам евангелист, его плотно посаженная, несколько напряжённо – сосредоточенная фигура. Так, символический крест составляется основными компоновочными осями изображения, и собирает композицию иконы в нераздельное целое. Ко кресту – приникает глаголющий ангел и – обнимает фигуру апостола левой рукой за его спиной.

В иконе внятно и акцентированно выделен символический крупный план: собственно Иоанн, Богословствующий в молчании, - пророк, о-глаголаный Откровением и не про-износящий словес, возделывающий усвоенное слово внутри себя, в сокровенной глубине. Перед нами – вынашивание Бога Слова в молчаливых устах пророчествующего о грядущем, - рождение пророческого слова о конце времён... о конце света. Приближимся к символике образа, как открывающейся нам, так и сокровенной.

Почти в самом центре иконного пространства, на груди пророка и апостола, - не вполне внятный и ясный нам – таинственный символ. Между хитоном и гиматием (верхним плащом) – частично сокрыт, но явлен к нашему уразумению этот знак, изображённый упругим цветовым акцентом золочённых белил, - этот цветовой всплеск – эстетически и технически – уравно-вешен двумя диагонально распространёнными в левый – верхний угол и в правую нижнюю часть изображения – белильными акцентами – знаками, балансирующими изобразительный центр и всю иконную композицию: образ ангела в левой части иконы и сокрытое Писание – ближе к нижнему правому углу изображения.

Итак, в центре изображения, в сердечной области Богослова – сокровенный значениями – символ, – он сразу же привлекает внимание и напоминает очертания некоего здания, расположенного прямо на груди апостола, в области сердечной, между складками его одежд. Что значит этот символ? В научном описании иконы бытует трактовка этого символа, как «чернильницы»... Изображение этой части писчего прибора встречается на иных изводах иконы Богослова в молчании и сопровождает изображение собственно процесса написания Откровения. Когда в правой руке Иоанна – стило, в иконной композиции может присутствовать и чернильница, как некое образное выявление реальности записывания откровенного текста. Позволим себе не согласиться и возразить таковой трактовке в данном случае. В нашей иконе не изображено собственно записывание текста, но более – передача и восприятие открываемого ведения, что означено сложной знаковой структурой жестов Иоанна Богослова и ангела, в эту знаковую структуру неотрывно «вплетена» десница Иоанна, не содержащая стило, - она

покоится на закрытом писании. Перстосложение правой руки Богослова лишь очень отдалённо может напомнить руку, записывающую нечто. Уже ли часть писчего прибора может удостоиться самостоятельного значения золочения и стать столь явственным символическим, «энергетическим» и цветовым центром всего образа. Так рассудим об этом символе, но, вместе с тем, отважимся предположить, что точное значение его вообще не дано распознать нам с какой-либо достоверностью и любые предположения будут не вполне основательными.

Что напоминает или на что – указывает нам этот знак? Это ли очертание некоего здания сооружения, - вертикали его структур схожи с формами ковчега спасения, созданного праотцом Ноем: плотно пригнанные стволы деревьев, плоская крыша... но восходящая башня или некий столп уединения?... – сложно, не представляется возможным внятно распознать здесь, что за сооружение рук человеческих или же явление Богоданное – изображено и утаено на груди Богослова. Дерзнём предположить, что перед нами – сокровенный символ Ковчега - нашего спасения в волнах, погубляющих мир. Вместе с эсхатологическим знанием о судьбах мира и о конце времён евангелист получает откровение о спасении в этих волнах смертоносных и, вместе с тем, - живительных, подъемлющих ковчег, вместивший пребывающих в нём - ввысь над погибелью, - евангелист получает предведение о новом ковчеге, о церкви, спасающей верных, входящих в неё. Близ области сердечной – утаил Иоанн это ведение. Ковчег спасения – Церковь – пре-подан евангелисту и о-значен пред нами вместе с извещением о погибели. Так, известие о погибели мира не является знанием сокрушающим и без-надежным. Впрочем, допустим, что значения этого символа могут быть самыми различными... Этот центральный символ иконы может быть прочитан и как – либо иначе, можно распознать в

нём указание на образ венца... - вполне допускаем это, как допускаем много-различие толкования и усвоения принятого, понятого. Почему «Церковь – Ковчег» - остановимся на этой трактовке - угаена между скрывающими её правой рукой апостола и гиматием? Отчего этот знак расположен на самой груди Иоанна... возлежавшей на персях Спасителя за Тайной Вечерию? Вопрошая себя об этих смыслах перед образом, понимаю, сколь сложно высказаться об этом символе – мне... важнее – повергнуть пред Господом своё смирение, своё дерзновение, свою настороженность и опасение: знать точно, досконально, достоверно то, что сокрыто... и превознестись этим знанием над существом познаваемого. Упокоимся неведомым и не станем говорить о том, что не дано нам... но размыслим далее, по мере при-открывающегося перед нами.

Рассмотренный нами, сложно объяснимый символ, как и прочие значимые символические акценты – выделены белильными оттенками локального цвета и усилены противо-стоянием, цветовой антитезой близлежащих тонов. Белый цвет Книги – усилен золотом её обреза и внятно – выделен противо-поставлением этого золотого обратно-перспективного обрамления и тонкой тёмной плавии лёгких складок апостольского гиматия. «Ковчег - Церковь» и ангельские облачения – противо-стоят тёмно зелёному, почти чётному цвету рукава хитона Иоанна, - предельно контрастные тёмный и белый тона усиливают друг друга, создавая цветовое напряжение. Здесь можно отметить некоторые замечательные эстетико – художественные приёмы мастерского цветового уравнивания композиции, когда фигура ангела – античных, несколько удлинённых пропорций, от-теняет, выделяет, вы-являет, очерчивает фигуру Иоанна Богослова доминантой белого цвета облачений. Нижняя тёмная область рукава хитона уравнивает световые акценты Книги и «Ковчеха – Церкви». Плотный цвет хитона и прозрачно – плавкий, светло – охристый гиматий - струятся складками одежд, не выраженными рельефно, и не вступают в некое цветовое со-ревнование с главным символическим рядом иконы, окружают, мягко обрамляют центральный символ Ковчеха. Округлый ворот хитона – подчёркивает лик апостола и противопоставлен строгим прямоугольным чертам затворённой Книги, - если присмотреться, здесь можно заметить тонкие лессировки на хитоне, - как бы струятся лёгкие волны света на изображение «Ковчеха – Церкви», волны золотые и белильно – серебряные. Быть может, в этом сочетании цветов – струй можно распознать и некую символику. Плотные белые облачения ангела – акцентированы тёмным цветом хитона апостола и тёмным цветом небесного фона... Впрочем, не изобразительная эстетика в данном случае занимает нас более всего, не законы художественного компонования изображения... но нисходящие к нам и возводящие нас символические смыслы образного пространства.

Удивительна и наиболее значима для нас – собственно символика вос-приятия Откровения святым Иоанном... и рождение Слова в воспринявшем Его человеке, апостоле. Дух Святой, через ангела Своего – шепчет непосредственно в правое ухо апостола и евангелиста, буквально на-шёптывает ему слово в ухо – в-н-ушает слово восприемлющему. Правая рука ангела – сопровождает это словесное внушение – благословляющим дуперстием, - сомкнутыми и в крайних фалангах – несколько раздвинутыми перстами правой ангельской руки. Здесь знак соединенности и неслиянности Божественной и человеческой природ во Христе. Неслиянность, апофатическая не-познаваемость – в символе разошедшихся фаланг пальцев... - приникает ближе к уху внемлющего Богослова, - распознаем это так. Виденная апостолом, ведомая им человеческая природа Спасителя, уведанный во-очию Христос, пережитый апостолом путь личного земного существования вместе с возлюбленным Учителем – Иисусом... уверяющий личный путь... распятие, произошедшее на глазах Богослова, расслышенное им «жажду!», внятно вос-принятое восклицание «Или!...» - со Креста... рассевавшаяся персть, не выдержавшая свершившегося... Совместно с этим уверением апостола, с этой уверенностью во Христе, - во глубину этой уверенности - воспринимается слово Божественного Откровения о мире. Иоанн – воспринимает Слово, совместно с личным опытом Богообщения, - не делимы, совершенно не отдельны одна от другой эти области знания: дарованного в личном опыте и откровенные сверх-природно, сверх-естественным - образом... Здесь сопряжены опыт непосредственного и личного Богообщения со слышимым пророчеством, о-глаголением апостола Духом Святым – вливающимся в ухо Богослова. Проследим дивные, мягкие смысловые сочетания образа говорения Ангела апостолу и образа непосредственного пре-подания Ангельского благословения. Слова сомкнутых уст Ангела – вникают в орган их восприятия... и ухо апостола – обращено к струящимся словам. Ангел нашёптывает или глаголет. Оглагольваемый человек становится сосудом, воспринявшим глагол – вос-принимает и содержит в себе Слово - становится Бого-словом. Приблизил себя

глаголящий ангел. Напряжён и сосредоточен внемлющий апостол. Несколько неестественно, превыше-естественно - приближается к устами про-износящим - ухо слышащее и впускающее слово – человеческое ухо. Таков символизм.

Благословение ангельской десницы словно бы минует области слышания и обращено к сомкнутым устами Богослова и к его левой руке. Можно продолжить воображаемые линии от расходящихся фаланг пальцев Ангела и эти линии – найдут увеличенное - «зеркальное» отражение в перстах левой руки апостола. Персты левой руки Иоанна сложены крестообразным глубоко символическим жестом - перстосложением, содержащим в себе буквенный знак мессии «Х». Здесь вполне можем прочесть именованное благословение Богослова – собственными устами... Через персты апостола – проникает в него Сам Спаситель Христос – проникает в уста затворённые, словно бы входит, вводит Себя «затворёнными дверями». Очертания складок одежд хитона вблизи Ковчега – раскрыты примерно так же, как и персты левой руки апостола, приподнятой к устами. Можно ли рассмотреть в этом нюансе некую смысловую аналогию: от Духа Святаго – отворено нам явление Ковчега, как в именованном жесте Иоанну – открыто ведение о грядущем конце времён. Позволим себе более приближенное рассмотрение символики жестов передачи и вос-приятия Откровения. Левая рука, плечо апостола высоко приподнято и словно бы со – держит не-видимое нами таинственное наполнение – утрудена со-держимым. Персты левой руки ангела легко – касаются и лежат, на большом пальце левой руки апостола. Большой палец левой руки Иоанна почти касается скрещенных указательного и среднего перстов, почти касается символа именованного перстосложения. Вот такая игра приближений, символическая вязь смыслов: персты ангела телесно соприкасаются с одним из пальцев, но не так, чтобы непосредственно через персты – проникать далее в евангелиста и апостола. Проникает во уста – символ. Нет прямого со-прикосновения большого пальца апостола и именованной литеры «Х». Нет прямого со-прикосновения именованного жеста и уст апостола – здесь некоторое пространство таинственного, пространство вне – символическое, в котором символ и передаваемое событие разнесены некоторым пространством, непосредственная связь прерывается и в этой прерванной связи совершается невидимая нами «вспышка», словно бы «короткое замыкание» вне прямого соприкосновения. Так видится эта символика прямой передачи Откровения.

Левая ладонь ангела опускается в левую ладонь апостола, как бы в чашу. Левая рука апостола – принимает это благословляющее прикосновение... не о-посредованное ничем. Чаша ладони – воспримлет полноту Откровения, о-Духо-творение, непосредственно передаваемое Духом – ангелом. И расшевеливает это знание, раскрывает молчание уста евангелиста, чтобы проникнуть в них... наполняет сознание человека и всё его вос-приемлющее существо. От-решены, ни с чем земным не связаны, ничем земным не поглощены, не утолнены ничем – глаза апостола, находящиеся как бы внутри события обретения ведения о Христе и о конечных судьбах этого мира... Сокровенное знание – проникает в Иоанна, живущего в этом мире, - проникает через слово внушаемое, входящее в ухо. Проникает через благодать благословения Христом. Проникает – через непосредственную передачу от Духа Святаго. Вот три символа, окружающие честную главу – лик евангелиста, благовествующего в молчании – образом своим. Молчит апостол, не отверзает уст, содержит внутри себя полноту ведения о конце времён.

Итак, мы – распознаём различные формы, способы при-внесения в человека – пророка Господнего – знания о конце времён. Знания, переданные лично Спасителем, Его

проповедью, примером Его жизни, образом Его существования, Его во-площением и распятием перед людьми, перед апостолами... Знание – передаётся изустно: из уст ангельских – в уши вос-приемлющие. Передаётся знание, откровение и непосредственно, телесно, физическим соприкосновением ангела с левой рукой - шуйцей апостола.

Символ сокрытой Книги, предстаёт, как некий плод этой передачи, плод полученного Откровения, сокрытого от нас. На закрытой Книге - возлежит правая рук - десница Иоанна Богослова. Если ладонь левая как бы пассивна и вос-приемлет нисходящее знание, то десница – активно передаёт его, рас-пространяет из себя, пре-подаёт символически и пре-творяет в новый символ. Таинственно и внятно неопределимо расположение пальцев этой руки, - мы не видим пальца большого, но три перста от мизинца до среднего – словно бы лестовки восхождения к сокровенному знанию, а палец указующий – очень странно изогнут и образует некий знак, - дозволим себе долю фантазии здесь: быть может, это знак буквы «Р» «Рекс», схожей с изображениями на хризме... царственное – молчание на затворённой Книге. Доля фантазии... при том, что не может быть в иконе ничего случайного, ни единого пустого «красного словца», не наполненного смыслом. Иное дело, что смыслы видимых знаков не всегда однозначны и легко постигаемы... не всегда и обращены к некоему постижению, но более - к молитвенному почитанию их, - перед нами отнюдь не письмо, которое должно быть непременно прочитано. Книга может быть затворена и свиток – свит, скрывающая текст от наших познающих глаз. Вот и здесь – перед нашим взиранием – затворена Книга. Белый, плотный тон её поверхности и золотой, пронзительного отлива и обратной перспективы, – обрез её переплёта. Золотой обрез Книги откровения... Царственное слово – сокрыто от нас, не про-изнесено устами Богослова Иоанна, прикрыто его правой ладонью и не прозвучит в мир до исполнения времён.

Высшая точка восходящего символизма – знаковая область вос-приятия Откровения, область личного письма – таинственного пре-подания и восприятия, молчания о воспринятом, символическая область сокровенного ведения о Господе и о конце времён – сосредоточена в верхней трети иконы и не нуждается в некоем цветовом изобразительном акцентировании, в художественном усилении пробелами, не использует против-поставления с локальным цветом, окружающим её. Можно проследить в образе как символизм - восходящий от Книги – к верхней части композиции... так и символизм - нисходящий от верхнего иконного пространства долу... от восприятия откровенного знания, к символу дарованного нам спасения и далее – до сокровенного символа закрытой Книги Откровений. Эта Книга будет распахнута в конце времён и полнота изложенного в ней станет явственно, наглядно и не отвратимо - очевидной в происходящем, про-явится откровенными словами пророчеств и свершающимися перед нами событиями дел Господних.

Глубока, чрез-мерно высока, не вместима, пространна и непереносима запросто, словно бы одно - из высоких явлений в долгой череде предметов искусства – эта икона. Перед нами глубочайше – воспринятый, прожитый, дивно изложенный символ уведавшей и умолкнувшей твари, символ глубинного утробного ведения о конце... символ сердечного утешения спасением и царственного пре-поднесения сокровенного знания – предстоящим и молящимся перед этим образом. Собственно, Книга в царственном, золотом обрамлении её обреза, в полноте окружающего её символизма – пред-ложена для приложения наших уст. Сомкнуты уста Богослова – сокровенен текст Книги, - ей надлежит распахнуться в исполненности времён, во благо-времени. К сокровенному

знанию – припадем, не ищем и не ждём раскрытия его пред нашим достоинством...
таков – образ видится нами... таков образ - и восхищает нас собою, и возносит наше
смирению – приятие собственного неведения... и воз-награждает нас и утешает, не
оставляет надеждою и упованием на милость Господнюю и на наше спасение в пучине
последних дней.

Какой полноты изведавший вдруг, молчит Богослов...
Струятся слова... расширенный слух – впускает значенья
От ангельских уст... глаголы – текут и это течение
Вливается в грудь, - сердечный простор открыт и готов
Востечь к Небесам, - так бабочка – ждёт из плена оков
По воле своей – как выдох – уйти из пут заточенья
В нелепую жизнь... в неведенья гроб... - на встречу влеченью
Объятий Отца – послушливый сын... заблудший улов.

Безмолвны уста... Не может земля очей напитать, -
Глядит сквозь неё в иные миры, в иссякшее время ...
И записи слов о том, что грядет – пока не видны.
Не мера моя – сей символ сокрыт, не хочет предстать
Дебелой душе... - молитвой – прильну, со-гласной со всеми,
Кто прежде меня, кто вместе со мной... не лестно – больны.